

Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!

Или

Ты помнил, Алёша дороги Смоленщины...

Павленко Алексей Никитич... В трудовой книжке этого человека, в графе «Место работы», всего лишь одна запись – 1947 год, Староюгинская школа, учитель.

В то время ему было неполных 25 года, а сколько уже пережито...

Алексей Никитович родился 24 сентября 1922 года в многодетной крестьянской семье в с. Травное Доволенского района Новосибирской области.

1931 г. – «кулак» девяти лет от роду, спецпереселенец (д. Бондарка Каргасокского района);

1941 г., ноябрь – декабрь – призыв; курсант лыжного батальона;

1941 г., декабрь – 1942 г., апрель – младший лейтенант, командир отделения миномётчиков;

1942 г., апрель – июль – младший лейтенант, командир взвода миномётчиков 39-й армии, окруженец;

1942 г., июль – 1945 г., апрель – военнопленный;

1945 г., май – 1946 г., май – стрелок запасного стрелкового батальона; демобилизация;

1947 г., август – 1983г. – учитель начальных классов Староюгинской школы, Каргасокского района;

1993 г., 25 мая – Учитель Алексей Никитович Павленко ушёл из жизни в день, когда для выпускников школ звучит последний звонок. Похоронен в Томске.

Время всё расставляет на места. Пришло время понять какой тяжкий крест и душевный свет нёс Алексей Никитич, понять его мудрость, желание приучать своих воспитанников к труду на бытовом уровне, потому что это – жизненный якорь, стала понятна его искренняя любовь к детям.

Вспоминают коллеги:

Боровкова Наталья Константиновна, учитель математики (Томская область):

«Может быть, пора угомониться?

Но я, грешным делом, не люблю

Поговорку, что иметь синицу

Лучше, чем грустить по журавлю.

Я стою, машу ему, как другу,

Хочется мне думать про него,

Будто улетает он не к югу,

А в долину детства моего.

Пусть над нашей школой он покружит,

Благодарный передаст привет,

Пусть посмотрит, всё ли ещё служит

Старый наш учитель или нет.

Слушаю эту песню из кинофильма «Доживём до понедельника», и перед глазами встаёт образ седовласого мужчины с лучистым взглядом светло-серых глаз, доброй открытой улыбкой, в коричневом костюме с несколькими рядами орденских планок и оттопыренным карманом, туго набитым острозаточенными простыми карандашами и шариковыми ручками. Таким мне запомнился Алексей Никитич Павленко, когда я молодым учителем пришла работать в Староюгинскую среднюю школу.

Сейчас мне примерно столько же лет, сколько было ему тогда. С годами стала понимать, что такие люди, учителя, воспитатели, как Алексей Никитич, шли рядом со мной по жизни, убеждая в правильности выбранного пути, поддерживая и помогая мне утвердить я в профессии, научиться прежде всего доброте, правильному отношению к своим ученикам и коллегам. Он работал с младшими школьниками, очень любил детей, и они отвечали ему тем же, слушали, верили и помнили.

Несколько ярких воспоминаний:

... Весна. Школьный субботник по сбору берёзовой почки. Каждый класс организованно трудиться, слышны негромкие разговоры, смех, шутки. А в прихожей школы сидит Алексей Никитич и из обобранных веток берёзы мастерит метлу и «голики» – веники для обметания снега с валенок. Всё идёт в дело. Учитель трудится вместе с детьми, демонстрируя определенные навыки и сноровку в нехитрой деревенской работе. Вот вам и воспитательный момент.

... «Голубой огонёк» в честь дня Победы в тесном кругу педколлектива школы. Читаю наизусть любимое мною и заученное ещё в детстве стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?». Замечаю, как у Алексея Никитича заблестели слезинки в глазах, и вдруг чётко осознаю, что он ведь тоже Алёша, тоже воевал в тех краях. Немного смущаюсь оттого, что невольно причинила боль и затронула горькие воспоминания. Через некоторое время услышала от него тихое: «Спасибо!». Заплакала...»

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...

Константин Симонов

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: -Господь вас спаси!-
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: - Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!»- говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!»- говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Панарина Валентина Викторовна, учитель начальных классов (г. Волгоград):

«Алексей Никитич был моим коллегой, учителем начальных классов. Скромный, неконфликтный, добрый, но всегда было ощущение, что он что-то не договаривает. У нас в школе была традиция на 9 мая проводить «Голубые огоньки», где читали военные стихи, прозу и пели военные песни. Очень часто звучало стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?» Слушая его, он плакал всякий раз. Однажды я его спросила: «Почему Вы плачете?». Он, вздохнув ответил, что не хочется об этом вспоминать. А потом продолжил: «Ты, наверное, знаешь, я в плен попал во время жестоких боёв подо Ржевом, когда попали под окружение. Потом была Германия, концлагерь, где меня в числе других выбрал для работы в хозяйстве немецкий бюргер. Почему он выбрал меня? Возможно, потому что сибиряк. В сибиряках что-то было, что отличало от других. Работали много. Хозяева относились неплохо и даже подкармливали. Но на сердце было так тяжело, так плохо, что не высказать.» И он заплакал.

Я не знаю, как и какую проверку он проходил после освобождения, но в наши лагеря не попал. Это многие коллеги-мужчины не понимали, его подкалывали, делая ему очень больно. Учитель он был спокойный, добрый, понимающий, говорил: «Если ученик сейчас чего-то не понял, позже поймёт потому, что слышал». С женой Алексей Никитич держали хозяйство: корову, свиней, овец. Начало сенокоса у него совпадало с началом учебного года, после уроков, взяв косу отправлялся сено косить. Управлялся один, ему никто не помогал».

Шашель Людмила Васильевна, учитель немецкого языка (Томская область):

«Алексей Никитич был первым учителем пятиклассников, у которых я стала классным руководителем. Класс был большой, двадцать восемь человек, из которых четырнадцать были «хорошистами», которые в этом же качестве завершили среднюю школу. Помимо хорошей успеваемости это был хорошо организованный детский коллектив. Отличительными чертами, которого были: дружба, трудолюбие, самостоятельность.

Алексей Никитич давал не только знания, но и по-отечески учил их жизни. Все годы до окончания школы наш класс жил интересно, активно, инициативно, мы были «запевалами» во многих школьных делах. Я никогда не упускала случая благодарить за прекрасную подготовку и воспитание Павленко Алексея Никитича. Он заложил замечательный фундамент.

Спустя годы я поняла, как мне повезло и что такие «подарки» в учительской судьбе встречаются не часто».

Зарубина Валентина Михайловна, учитель истории (с. Каргасок):

«Вспоминается 23 февраля. Поздравляем коллег-мужчин с днём защитника Отечества, говорим о войне, о памяти. Алексей Никитич бросает реплику: «Да, что вы знаете о войне? Вы даже песню «Катюша» до конца не знаете!» В ответ быстро образуем хор и поём «Катюшу» от начала и до конца, по лицу Алексея Никитича текут слёзы...»

Скворцова Ольга Витальевна, учитель русского языка и литературы Томская область:

«Сельский учитель, как и сельская школа – категории особенные. В начале своей работы, когда я слышала словосочетание «сельский учитель», сразу возникал литературный образ, навеянный Чеховым, Вересаевым, Куприным... Но вот я познакомилась с Алексеем Никитичем, побывала на его уроках, и

далёкий неясный образ стал близким, очевидным и ярким. Всегда подтянут, серьёзен и требователен, во взгляде - доброта и ясность. Сельский интеллигент, сельский учитель! К нему все: и дети, и взрослые – относились с большим почтением и уважением. Он умел плотничать, вести хозяйство, знал толк в рыбалке, любил время покоса, сбора ягод и грибов... Он и детям старался привить любовь к природе, малой родине, семье, воспитать чувство ответственности, трудолюбие. Мне хорошо запомнилось, что на его уроках это было ненавязчиво, органично и просто, без пафоса и лишних эмоций. Меньше слов – больше дела. Это принцип большинства фронтовиков.

Алексей Никитич и Лидия Гавриловна жили по соседству со Скворцовыми и часто общались с родителями моего мужа. Думаю, он и все в семье был немногословным, скромным и надёжным.»

Вспоминают ученики (1966-70 гг.):

Сергей Чебыкин Староюгино):

«У Алексея Никитича я учился один год, в первом классе. Хороший был учитель. Мне запомнилось, что при маршировке его команды звучали необычно. Позже я узнал, что он командовал по-военному и , что он был фронтовиком,»

Ирина Петухова (ур. Фёдорова) (с. Каргасок):

"Я мало что помню, маленькая была, да и проучилась у Алексея Никитича только два года: в 1-м и во 2-м классах, а потом мы переехали. Мне казался он строгим, спокойным, справедливым. Пожалуй, всё, что я помню."

Тамара Колмакова (ур. Фёдорова) (г. Томск):

"Об Алексее Никитиче только хорошие воспоминания! Очень хорошо помню о таком моменте. Я стопроцентная левша. И в первом классе начала писать левой рукой в другую сторону. Дети начали надо мной смеяться, а он сказал: «Что вы смеётесь! Вы можете писать только одной правой рукой, а она может и левой, и правой». После этого терпеливо переучивал меня писать правой рукой. До сих пор могу писать обеими руками зеркально. Вот такая история."

Татьяна Фёдорова (ур. Нейман) (Томская обл.):

«Для меня Алексей Никитич был и остался Учителем с большой буквы. Седина на висках, делавшая его старше, серые глаза с искринкой, всегда готовый улыбнуться, спокойный, уравновешенный, никогда не повышающий голос, а ещё исходившее от него ощущение доброты, надёжности, тепла – таким я его помню.

А ещё я помню наш класс, парты в 3 ряда, учительскую кафедру на возвышении, окрашенную тёмно-зелёной краской, помню печь, которая отапливала класс и за которую обычно отправлялись непослушники. Спустя какое-то время, достаточное для воспитательного момента, Алексей Никитич обращался к ним со словами: «Ferstehen? Nicht ferstehen?» И мы обмирали в восторге: «О-о-о!!! Наш учитель не по-русски говорит!» И неслись на перемене хвалиться этим перед другими, а учитель тем временем скрывался за дверью с непонятной надписью «Бухгалтерия» ...

... До сих пор перед глазами, как Алексей Никитич рисует мне в тетради по математике яблочко, как образец (нужно было решить задачу и нарисовать необходимое для ответа количество яблок). А я никогда их не видела и не пробовала. И такое оно было красивое: кругленькое, румяное, жёлтое с красным бочком, с маленьким зелёным листиком сверху и щёточкой внизу! Оно казалось таким вкусным, как мне хотелось попробовать именно такое!

... Тогда писали перьевыми ручками, поэтому приносили в мешочках чернильницы-«непроливашки», обязательными были самодельные перочистки из кружочков ткани и «промокашки» в каждой тетради. Сколько внимания уделял Алексей Никитич каждому, чтобы записи в тетрадях были аккуратными, без чернильных клякс! Объяснял, как уголок «промокашки» способен справляться с ними. А перочистки мы изготовили сами на уроке труда. Причём, на этих уроках Алексей Никитич учил нас, девчонок и мальчишек, не только держать иголку в руках, но и вышивать, и даже вязать сеть (чем позднее воспользовался мой папа, привлекая для починки сетей).

... Авторитет учителя для меня был непререкаем. И тем не менее я однажды усомнилась в его словах. Было это в том же 1-м классе... Последний день занятий, последний урок, Алексей Никитич раздаёт нам «Табель об успеваемости» с годовыми оценками. Получив свой и придя домой, я сказала маме с

недоумением: «Алексей Никитич сказал в классе, что «Таня Нейман у нас круглая отличница, у неё в табели круглые пятёрки!», а они совсем не круглые!» ... Прошло 53 года... Этот простой, сложенный пополам, как книжка, тетрадный листочек в клеточку, где рукой Алексея Никитича выписаны предметы и «совсем не круглые «пятёрки» по ним, хранится у меня до сих пор...

Мне очень нравилось учиться... И всё же однажды я пришла на урок неподготовленной – забыла выучить стихотворение, и с ужасом обнаружила это, когда начался опрос... Это была моя первая «двойка», первое горе, первый позор... Домой я шла, рыдая во весь голос и на всю улицу. Моя мама услышала меня издали и, обмирая от страха, что со мной что-то случилось, выскочила за калитку. Поняв, наконец, причину моих слёз, она пообещала сказать учителю, что я «не специально», а действительно забыла. Переживая за моё состояние, на следующий день она пришла в школу, рассказала Алексею Никитичу про моё «горе», оба посмеялись. Он успокоил её, что про «двойку» сказал в педагогических целях (для других), но не поставил её, т.к. со мной такого раньше не было. Надо ли говорить, что к этому утру я уже знала злополучное стихотворение, с выражением рассказала его и получила «пятёрку».

... Класс у нас был большой, 36 человек. За первыми партами сидели отлично успевающие ученицы, в пару к которым Алексей Никитич подсаживал неуспевающих одноклассников. Помню своё внутреннее и внешнее нежелание сидеть с ними: постоянно заглядывают в тетрадь, как ни закрывайся, норовят списать готовое, крутятся-вертятся, мешают работать. В какой-то момент моего особенно отчаянного сопротивления списыванию, Алексей Никитич подошёл и сказал тихо: «Ты не отталкивай (имя соседа по парте): если он у тебя спрашивает, значит, понять хочет то, что ты поняла. Объясни ему, ведь я не всегда рядом могу быть, а он, когда поймёт, вертеться перестанет, работать будет.» И действительно, сосед становился усидчивей, спокойней.

2 класс. 1967-68 уч.г.

... Уже в 4-м классе Алексей Никитич приглашал нас, отличниц, к себе домой помогать проверять тетради. Это было доверие учителя ученику, вера в силы и способности ребёнка, которого он обучил и воспитал; доверие и вера, которые мы, ученицы-«учительницы», просто обязаны были оправдать.

... Я никогда не видела его с наградами. Не помню, чтобы он говорил о том, что воевал. Но именно от него я впервые услышала о войне и о лыжных батальонах сибиряков: «... До начала боя бойцы притаились в лесу, а по сигналу бросились вперёд. Представьте себе: все в белых масхалатах, на лыжах, они молча неслись по снежному полю...»

... Много позднее, работая с картотекой районного военкомата и найдя его учётную карточку, я поняла, почему речь шла о лыжных батальонах и откуда у него знание немецкого языка («*Ferstehen? Nicht ferstehen?*»))»

Война...

Из анкеты военнослужащего Павленко А.Н. известно, что, имея неполное среднее образование, в 1941 г. он работал электромонтёром в Чусовском районе Челябинской области. 3 ноября этого же года он был призван Чусовским РВК и направлен курсантом в 118-й учебный лыжный батальон.

Из Постановления ГКО № 680 от 15.09.41г.:

«... сформировать запасные лыжные полки из юношей 1922 г. р. в Архангельском, Московском, Уральском, Приволжском и Сибирском военных округах...»

Из статьи «Лыжные батальоны в Великой Отечественной войне»:

«... Подготовка личного состава перед отправкой на фронт шла в различных городах. Так, уральские лыжные батальоны (ЛБ) готовились в Кургане, Челябинске, Свердловске, Перми.

В качестве лучшего примера предварительной подготовки рассматривались ЛБ на базе 21-й запасной стрелковой бригады в Челябинске. Здесь, в военном лагере, находившемся в посёлке Шершни, отбор и обучение в ЛБ проводился более тщательно, чем, например, в стрелковой части. В первую очередь

принимались спортсмены, сибиряки-охотники, значкисты ГТО и крепкие ребята, умеющие ходить на лыжах, переносить ночные зимовки в морозных условиях, знавшие, как самостоятельно построить из веток деревьев в снегу для себя «лежбище».

Начали подготовку ещё загодя, до выпадения снега. Лыжню «торили», настелив солому. Обучались стрельбе, рукопашному бою, изучали элементы светомаскировки. С выпадением снега приступали к обучению личного состава ходьбе и боевым действиям на лыжах. Проводили практические занятия с ночёвками в лесу, а также 3–5-дневными переходами по 30–40 км с полной выкладкой. Обучение было рассчитано на 5 месяцев. Проверку готовности от командования Красной Армией осуществлял легендарный герой Гражданской войны маршал К. Е. Ворошилов. Он на лыжах принимал участие в тактических занятиях обучающихся.

Следует помнить, что обстановка на фронте не всегда позволяла проводить предварительную подготовку, рассмотренную выше. Иногда она составляла всего 1–2 месяца, а порой и того меньше.»

Так курсант Павленко, пройдя обучение менее месяца, 29 ноября принял присягу и в декабре, в составе 250-го отдельного лыжного батальона, сформированного в 21-й запасной стрелковой бригаде Уральского Военного Округа, был отправлен на фронт в звании младшего лейтенанта командиром отделения миномётов калибра 82 мм, находящихся на вооружении батальона.

Из статьи «250 отдельный лыжный батальон Калининского фронта (250 ОЛБ)»:

«... С 25 января по май 1942 г. 250-й ОЛБ в составе 39-й армии Калининского фронта участвовал в боях с противником на ржевском и оленинском направлении. Здесь в это время создалась тяжелейшая ситуация. Необходимо было не дать противнику сомкнуть кольцо окружения и уничтожить 39-ю армию и 11-й кавалерийский корпус, и одновременно не дать ему возможности наступать на Демянск и разгромить крупные силы Калининского и Северо-Западного фронтов.

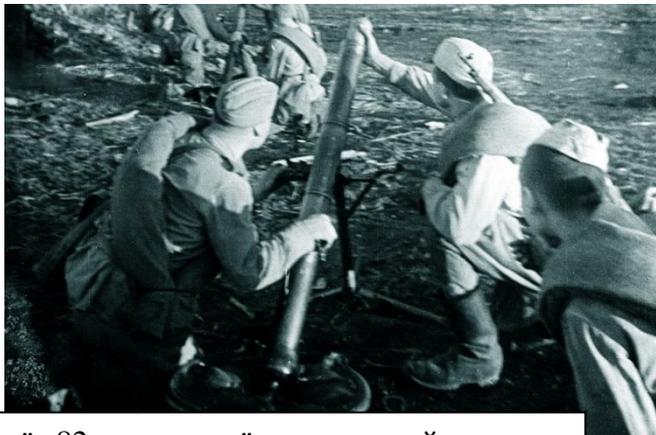
Подробностей действий батальона в это время нет, но известно, что 5 апреля на выручку частей 21-й гвардейской стрелковой дивизии, которую потеснил противник, прибыли 250-й и 280-й ОЛБ и 312-й отдельный танковый батальон, у которого к тому времени осталось только 4 танка. В 5 часов утра 6 апреля пехота, лыжники и танкисты пошли в атаку, но безуспешно. Противник при поддержке авиации, которая группами в 20-30 самолётов постоянно бомбила и штурмовала наши войска, упорно теснил дивизию, указывая в рапортах о преодолении обороны якобы «27 гвардейских батальонов». Хотя дивизия, по сути,

была усиленным полком, но оборонялись гвардейцы и лыжники тоже упорно.

За день боя наши части, перейдя в атаку, всё-таки смогли продвинуться вперёд, но попали под сильный огонь из всех видов оружия, затем были контратакованы во фланг пехотой и танками противника, и отошли на исходные позиции, понеся большие потери среди пехоты и лыжников и потеряв все танки.

О дальнейших действиях батальона ничего не известно.»

Алексею Никитичу удалось остаться в живых. С апреля 1942 г. он – младший лейтенант, командир взвода 82 мм миномётов 5-го отдельного миномётного гвардейского дивизиона всё той же 39-й армии, по-прежнему находящейся в окружении.

Расчёт 82-мм миномёта на огневой позиции

Накануне трагедии (Из воспоминаний сослуживца, ст. лейтенанта Лукинова М.И.):

«... Кормили в кольце скверно и нерегулярно. Бойцы из-под снега копали картофель, который не успели убрать осенью. Эту гнилую и мерзлую картошку ели. После оттаивания она превращалась в жидкость, массу перемешивали и на железной печурке пекли подобие лепешек. Горячими можно было есть. Выкапывали погибших лошадей, отрубали ноги и готовили студень. Полное отсутствие соли было мучительно. Даже суп на передовую привозили без соли. Немцы все наши беды знали, часто кричали: "Русс! Спой "Катюшу! Дадим соли!"

На передовой офицер переносил все тяготы с солдатами вместе. Одновременно должен оставаться начальником, показывать остальным пример, принимать непростые решения, следить за выполнением приказов.

События зимы 1942 г. особенно врезались в память. Все мелкие и небольшие стычки. Общее положение тяжёлое, пехота деморализована, постоянно отступали. Народ злой и голодный. Немцы

давили своей техникой, постоянно нас обрабатывала авиация. Танков и зениток у нас не было. Патронов и снарядов давали в обрез.

Всем казалось, что скоро погибнем. Все отступали. Мы и так находились в окружении. Неожиданно послушали радио, много узнали. Врут немецкие листовки о сдаче Москвы, страна воюет! Это подняло наше настроение!

Весной немцы свое наступление активизировали, стремились уменьшить нашу территорию. Мы отчаянно оборонялись. Пехота несла постоянные потери, ее пополняли.

Положение ухудшалось и ухудшалось. Голодали и мерзли постоянно.

Наше высокое начальство осознало опасность немецкого окружения, разработало план эвакуации. В июле немцы узнали о плане и быстро закрыли возможность отхода. Основная масса 39-й армии и кавкорпуса оказались в окружении, кольцо сжималось. Дисциплина падала, управления нет. Шли в северном направлении, дороги и деревни были под немцами. Натыкались и отстреливались. Бросали много раненых. Проходили мимо госпиталя, раненые нас материли и проклинали.

Каждый начальник стал думать о себе. Чувство обреченности витало над всеми. Отстали от полка и были предоставлены сами себе. Потом уже многое не помню, шли в каком-то бессознательном состоянии, пока не попали в плен.

В голове одни вопросы. Только на нашем участке фронта разгром? Война проиграна? Почему нас посадили в мешок и оставили на растерзание? Все эти вопросы волновали многих.

Здесь узнал о последних днях 39-й армии. Штаб армии окружили в небольшом лесочке, его полностью простреливали минометы. Транспортные самолёты прилетали ночью, привозили боеприпасы и продукты, должны были вывозить раненых. Но большей частью вывозили начальство. Ночи стали короткие, машин прилетало мало. Улетело все высшее начальство, дисциплина совсем пропала.

Немцы прорвали последнюю оборону, все попали в плен.»

18 июля 1942 г. у д. Королёво не избежал этой участи и младший лейтенант Павленко.

8 октября военнопленный Павленко попадает в концлагерь г. Штутгарта, где его определяют в рабочую команду военнопленных чернорабочим.

Из воспоминаний бывшего военнопленного лагеря III-Ц (р-н Штутгарта) Чудновского С. Я.:

«1942 г. Фашистская Германия.

Военнопленных, привезенных этим эшеленом в Германию, было всего два вагона — человек 250. Такой небольшой колонной, медленно волоча ноги, мы и пришли со станции г. Штутгарта до лагеря военнопленных — шталага III-Ц.

Прежде всего — «санобработка». На каждом заключенном все места, где есть волосной покров, смазывались соляжкой — лишь после этого выдавалась шайка холодной воды. Регистрация прошла уже по известному методу: удар — фамилия, удар — имя и т. д. Разница была лишь в том, что не спрашивали номера воинской части. Видимо, фашисты убедились в бесполезности этого вопроса, ибо пленные называли и несуществующие номера частей и подразделений. После регистрации нас переодели, т. е. вместо нашей верхней одежды каждому выдали рваное одеяние солдат первой мировой войны, а на ноги — «колодки» (деревянные долбленые башмаки). Имя, фамилия, отчество — все эти принадлежности цивилизованных людей фашисты отменили, заменив номером, выдавленным на алюминиевой пластинке. Номер представлял собой пластинку примерно 3х6 см. Отверстия посередине делили пластинку на две части. На каждой части был выдавлен номер. В случае смерти заключенного пластинка по линии отверстий разламывалась пополам. Одна половинка служила для учета, а другая, на шее заключенного, шла в могилу.

Лагерь был большой, более 5 тыс. человек. Внешняя охрана лагеря осуществлялась солдатами, а внутренняя администрация была представлена полицаями (в основном украинцами-западниками) и капо — старшими бараков. Питание заключенных в лагере было стандартным для всех немецких лагерей: утром — эрзац-кофе, в обед — баланда из брюквы, вечером — эрзац-кофе. Хлеб — 250 г в сутки. Все военнопленные делились на три категории: первая — просто заключенный, иначе, человек, умеющий голодать. Никто из нас даже и представить раньше не мог, что умение голодать — это целая наука. Уметь голодать — это прежде всего уметь распределить паек хлеба на три раза, не стараться наполнить желудок излишней жидкостью, это умение систематически распределять физические нагрузки и, наконец, противопоставить свою психологию психологии фашистов.

Вторая категория — «доходяги», люди, доведенные до крайней степени истощения ранениями, полученными на фронте, болезнями, скудным питанием, пребыванием в лагерях. Таким людям нужна была срочная медицинская помощь, немного улучшить питание — они могли бы выздороветь. Вместо этого — издевательства, непосильный труд, скудное питание.

Третья категория – «поносник», человек, доведенный до крайней степени морального и физического истощения. Для него главным было – набить желудок, неважно чем. Пища организмом не переваривалась и вылетала из него «живьем», вместе с кровью. Горько было видеть этих людей, но еще горше было сознание своего бессилия помочь им.

Лагерь считался пересыльно-рабочим. Действительно, ежедневно колонны военнопленных медленно выходили из ворот лагеря. На рабочих местах заключенных ждали надсмотрщики, вооруженные хлыстами, сплетенными из кожи, внутри которых искусно вплеталась тонкая стальная проволока. Удар такого хлыста оставлял на теле заключенного кровавый след. Человеческое сознание не могло мириться с тем, что человек, рожденный женщиной, умеющий читать и писать, мог просто, походя, взять в руки хлыст и избивать себе подобного, а потом спокойно закурить сигарету. Страшную картину представляла возвращающаяся с работы колонна: впереди, еле передвигая ноги, шли «здоровые» заключенные, за ними шли, поддерживаемые товарищами, те, кто получил свою «порцию хлыстов», и, наконец, заключали колонну «носильщики» с теми, кому больше не страшен никто, – с мертвыми. Из-за скудного питания, издевательств и пыток в лагере умирало по 140— 160 человек ежедневно.»

В январе 1943 г. Алексея Никитича переводят в – концлагерь г. Карлсруэ, а в июле 1944 г. – в концлагерь г. Зинген. 23 апреля 1945 г. лагерь освобождён советскими войсками. Алексея Никитича, как и всех военнопленных, пропускают для проверки через фильтрационный пункт. В декабре 1945 г. он направлен в 7-й запасный стрелковый полк, а в мае 1946 г. демобилизован. Награждён медалью «За победу над Германией» и орденом «Отечественной войны 2 степени».

Сентябрь 2020

Историко- краеведческое объединение

Зарубина В.М, Фёдорова Т.И